

«Я ПРОТИВНИК РАТИФИКАЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ХАРТИИ»

ГЛАВА КОМИТЕТА ГОСДУМЫ ПО ЭНЕРГЕТИКЕ, ТРАНСПОРТУ И СВЯЗИ ВАЛЕРИЙ ЯЗЕВ РАССКАЗАЛ КОРРЕСПОНДЕНТУ GUIDE ВЛАДИМИРУ СОЛОВЬЕВУ, ПОЧЕМУ РОССИЯ НЕ ЖЕЛАЕТ РАТИФИЦИРОВАТЬ ЭНЕРГЕТИЧЕСКУЮ ХАРТИЮ.

ВАЛЕРИЙ ЯЗЕВ,
ГЛАВА КОМИТЕТА
ГОСДУМЫ ПО ЭНЕРГЕТИКЕ,
ТРАНСПОРТУ И СВЯЗИ

GUIDE: Как в России понимают энергобезопасность? Совпадает ли в этом смысле точка зрения с Европой?

ВАЛЕРИЙ ЯЗЕВ: Энергобезопасность — это защищенность страны от угроз надежного топливного и энергетического обеспечения. Угрозы существуют различные. Они определяются внешними, внутренними, геополитическими, макроэкономическими и конъюнктурными факторами, а также состоянием энергетического сектора страны.

Если говорить о международных определениях, то уместно привести определение энергобезопасности, которое было дано на саммите G8 в Петербурге.

Если проанализировать наше определение энергобезопасности и то, которое дает европейский подход, отличие состоит в том, что у европейцев более сильный акцент на процессе глобализации. Впрочем, когда мы ратифицировали Киотский протокол, то, по сути, различий принципиальных у нас не осталось. Просто к практике достижения энергобезопасности Европы мы, конечно же, подходим немного по-разному. Каждый хотел бы найти в определениях энергетической безопасности что-то свое. Сближение позиции есть, но мы считаем неправильным подход Европейского союза, выраженный в том, чтобы добиться гарантий поставок энергоресурсов со стороны России. По сути, их единственная задача — это гарантии на долгую перспективу, раскрытие российского энергорынка и развитие транспортной инфраструктуры. Мы же говорим и об их ответственности как потребителей. Другими словами, должна быть система договоров, подтверждающая взаимную ответственность как поставщика, так и потребителя и транзитных стран между нами. Вот когда будет создана устойчивая система в виде договоров, появятся координаты, в которых можно добиться энергетической безопасности.

А сейчас что происходит? Европа хочет иметь в лице России гарантированного поставщика энергоресурсов, плюс к этому она хотела бы еще и диверсифицировать для себя поставки географически. Скажем, получать энергоресурсы из Норвегии, из Алжира. Но когда Россия заявляет, что она тоже имеет право диверсифицировать потребителей, например ориентируясь на азиатский регион — Китай, Южную Корею, Японию, то Европа сразу начинает подсчет и говорит, что у вас к 2015 году уже не хватит газа, чтобы обеспечить наши потребности, и в 2020 году тоже не хватит. То есть они ревниво относятся к поискам Россией альтернативных потребителей. Поэтому мы говорим: в таком случае закрепляйте свое преимущественное положение долгосрочными договорами. Мы говорим, что невозможно развивать газовый бизнес в мире и в России, не имея долгосрочных договоренностей. Они это понимают и признают, что долгосрочные договоры нужны. Насколько я знаю, E.ON продлил контракты на поставку газа до 2036 года. А, например, Gaz de France имеет пока не продленный договор до 2015 года, но идут переговоры на долгосрочную перспективу. Это дает нам мотивацию на разработку

месторождений, позволяет подсчитать наши трубопроводные возможности, строить новые технологические коридоры. Если не будет взаимной ответственности и покупателя, и продавца энергии, не будет и энергобезопасности.

G: Сейчас много споров вокруг Энергетической хартии. Европейцы говорят — ратифицируйте, а Москва не хочет. Что же в этом документе так раздражает Россию?

В. Я.: Договор действительно передан на ратификацию в Госдуму и лежит в моем комитете. Я противник его ратификации уже семь лет.

G: Почему?

В. Я.: Там есть много тонкостей, но я назову три ключевых момента. Историю Хартии вы знаете. Ее подписали в 1991 году как протокол о намерениях. В 1994 году Россия подписала договор к Хартии. После этого много стран ее ратифицировали, но ряд ключевых игроков этого не сделал. В том числе Норвегия и Алжир. Америка тоже не рассматривает свое в ней участие. По мнению европейцев — на верное, обоснованному, пока Россия не ратифицирует Хартию, считать ее полноценным документом, создающим предсказуемые правила игры и гармонизирующим энергетический рынок Европы, нельзя.

Мы не ратифицируем ее, по крайней мере, по трем моментам. Первое — в ходе работы над Хартией ЕС ввел положение об организации региональной экономической интеграции. То есть они рассматривают ЕС как один субъект, где нет границ, то есть входят в Хартию как единый субъект. Получается, что положения транзитного протокола и еще ряд моментов на территории Европейского союза не действуют. Транзитной признается та страна, у которой энергоресурсы пересекают две границы. И получается, что Россия — это транзитная страна по отношению к среднеазиатскому газу, Украина, Белоруссия, Молдавия — тоже транзитные. И получается парадокс: ЕС призывает нас, понуждая всякими политическими методами, ратифицировать договор к Энергетической хартии, требования которого они на себя в полной мере не относят.

Второй момент — это право первого отказа при доступе к транзитным мощностям. Их очень интересует российская трубопроводная система и доступ к ней. Это стоит во главе угла. Наша же позиция в том, что долгосрочные договоры, тем более в теме права первого отказа, не имеют права на жизнь. Ты вроде бы разрабатываешь месторождение, строишь трубопровод, а потом не можешь попасть на него в соответствии с правом первого отказа. Это нас не устраивает.

Критерии и механизмы формирования тарифов на транзит нас тоже не устраивают. Потому что встает проблема равности тарифов на прокачку газа по России и для российских потребителей, и для транзитных. А мы поддерживаем низкие цены на транзит у себя в стране, потому что если бы транзит у нас стоил, как по Украине, \$1,6, то цена на газ удвоилась бы для европейских потребителей. Вот три очень серьезных момента которые для нас неприемлемы. Их нельзя исправить никакими дополнительными документами к Хартии, потому что они заложены в базовое положение. То есть нужно менять базовые положения.

G: Другими словами, переписывать Хартию?

В. Я.: Моя позиция, что для энергобезопасности Европы нужны международно-правовые документы, которые определяют правила игры, но никак не Хартия в ее нынешнем виде. Потому что ее основные документы, по крайней

мере, по названным мною трем позициям должны быть пересмотрены с учетом интересов России, как крупнейшего производителя энергоресурсов и крупнейшей транзитной страны. Вот в чем состоят наши разногласия.

G: Недавно вы вышли с инициативой создания в СНГ международного альянса национальных неправительственных газовых организаций стран, производящих и транспортирующих газ (МАННГО). Для каких целей он создается?

В. Я.: У этого вопроса есть история. Еще семь-восемь лет назад я запустил термин «газовый ОПЕК». Это время конца 90-х, когда появились первые газовые директивы и когда ЕС всерьез понуждал нас ратифицировать Энергохартию. Ведь очевидно, что объединенная Европа, по сути, выступает с точки зрения интегрированного потребителя энергоресурсов. Это не хорошо и не плохо, а просто факт. Мы много дискутировали на эту тему с европейцами. У них интересы потребителей, и они ведут содержательный диалог с нефтяным ОПЕК. Они не могут пренебречь мнением картеля по объемам поставок, по квотированию добычи, по ценовым вопросам. И я задался вопросом: а почему не существует ОПЕК газового? Ведь клуб стран — производителей газа не такой уж широкий. Это Туркмени, Казахстан, Узбекистан, Россия, Алжир, Норвегия, Катар, Индонезия. Эти страны вполне могли бы иметь консолидированную позицию. Для Европейского союза это крайне не желательно, потому что им предпочтительнее вести отдельные переговоры с каждой страной и обговаривать наиболее лучшие условия. Ну а мы-то почему должны такую пассивную позицию занимать?

Я считаю, что нужно на уровне стран, хозяйствующих субъектов создавать газовый альянс, который бы вел между собой согласованную ценовую политику, согласовывал внутри себя темпы и сроки освоения новых месторождений, ввода новых транспортных коридоров и обговаривал правила игры с крупнейшими потребителями, одним из которых на сегодня является Европа. Я, как глава национальной газовой ассоциации, говорю о том, чтобы объединить усилия национальных газовых ассоциаций Туркмении, Казахстана, Узбекистана, России, а также Украины, Белоруссии, Молдавии, как стран транзитных, и найти такие условия добычи и транзита газа, которые бы вызвали взаимный интерес. Чтобы Европейский союз не использовал нерешенные вопросы транзита газа между Россией и Украиной, не требовал снижать цены на российский газ и транзит, а платил бы в полной мере. Ведь природную ренту за российский газ снимает Европа и использует ее в своих целях — тратит на социальные, политические, оборонные нужды и т. д.

G: То есть газовый альянс со вкусной аббревиатурой МАННГО нужен, чтобы более авторитетно говорить с ЕС?

В. Я.: Да. Его интегратором должна выступать Россия, учитывая крупнейшие запасы газа, газотранспортную систему, наше положение в центре евроазиатского континента. Мы покрываем континент и готовы поставлять газ и в Европу, и в Азиатско-Тихоокеанский регион, и в южную Европу через газопровод «Голубой поток». Так что по определению мы должны быть интегратором этого союза.

G: Европа не скрывает желания диверсифицировать поставки газа. В своем желании получить энергоресурсы по другим трубопроводам в обход России, я имею в виду нефтепровод Баку—Тбилиси—Джейхан и газопровод Баку—Тбилиси—Эрзурум, ЕС не переходит дорогу России?

В. Я.: В какой-то мере переходит. Мы, конечно, хотели бы

занимать эксклюзивное положение на пути транзита среднеазиатских энергоресурсов. Однако это невозможно — мы же реалисты. Но слишком уж важного значения это иметь не может. Мы даже приветствуем поставки из Азербайджана в Грузию. Газ на этом рынке стоит \$110 или \$120 за тысячу кубометров, а в Европе €200–260. А вот если будет создан МАННГО, в его рамках можно договориться, к примеру, с Казахстаном о том, что ему не будет выгодно создавать дополнительные транспортные коридоры, а куда выгоднее будет поставлять газ через территорию России и по уже созданной трубопроводной системе.

G: А как в России восприняли германо-французский газовый альянс?

В. Я.: Здесь дело вот в чем. С 1 января Германия будет председательствовать в Европейском союзе, так что создавать какой-то альянс с Россией в пику ЕС она не может. А ЕС — это клуб потребителей российских ресурсов. Мы сейчас накануне пересмотра соглашений между Россией и Европой, и Германия здесь должна выражать консолидированную позицию. Так что для меня германо-французские договоренности в этом смысле не были ничем неожиданным. ЕС консолидированно выступает как потребитель газа со своими правилами, и никуда от этого не уйти. Мы тоже должны более четко отстаивать свои интересы и консолидировать производителей газа.

G: Как уже было сказано, ЕС и Россия готовятся подписать новое соглашение о партнерстве и сотрудничестве. На ваш взгляд, как в нем должны быть прописаны отношения в энергетической сфере?

В. Я.: Это должен быть пакет взаимных обязательств поставщиков, потребителей и транзитных стран, который обеспечит энергетическую безопасность ЕС и создаст очевидные мотивы России для участия в энергобезопасности Европы.

G: Насколько скандалы вокруг Штокмана и проекта «Сахалин-2» могут осложнить отношения ЕС и России?

В. Я.: Это не скандалы, я их таковыми не считаю. По Штокману идет переговорный процесс. «Газпром» чувствует, что он может самостоятельно осваивать это уникальное месторождение. Я недавно говорил с французским министром промышленности, и он сказал: дескать, в одиночку вы только в 2015 году запустите Штокман, а с нами бы в 2012 году пустили. Я ему ответил, что нас по балансу 2015 год устраивает. И у нас нет задачи выкачать из страны весь газ в кратчайшие сроки. Должен быть принцип разумной достаточности, то есть мы должны экспортировать столько энергоресурсов, сколько нужно для формирования внешнеторгового баланса. Но самая главная задача российского топливно-энергетического комплекса — обеспечить поступательное развитие российской экономики, чтобы нефтегазовая продукция у нас была по разумной цене.

Что касается Сахалина, Хьюрьюги, где задействованы Shell, Total, то в соответствии с соглашением о разделе продукции их цель — изъятие из российского налогового законодательства. Но это не значит, что не надо выполнять наши природоохранные законы, закон о недропользовании. Сегодня действует комиссия Госдумы и Совета федерации, которая разбирает нарушения природоохранного законодательства. Их нужно устранить и реализовывать эти проекты дальше. С этим согласны и японская Mitsubishi, и Shell, и Total. Они готовят планы мероприятий, которые устранят нарушения, и мы будем двигаться дальше. ■

23
СЛЕДУЕТ УВЕЛИЧИВАТЬ ПРОДАЖИ ГАЗА ЗА РУБЕЖ, ЧТОБЫ НА РУЧЕННЫЕ ДЕНЬГИ РАЗВИВАТЬ ЭКОНОМИКУ И РЕШАТЬ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

66
СЛЕДУЕТ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ДАЛЬНЕЙШУЮ ГАЗИФИКАЦИЮ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ И СЕЛ, ДАЖЕ ЕСЛИ ЭТО ПРИВЕДЕТ К СНИЖЕНИЮ ПРОДАЖИ ГАЗА ЗА РУБЕЖ

11
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ

СПРОС НА ГАЗ В МИРЕ РАСТЕТ, А ВОЗМОЖНОСТИ ПО ЕГО ДОБЫЧЕ В РОССИИ ОГРАНИЧЕНЫ. КАКИМИ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РОССИИ? (%)
ИСТОЧНИК: ВЦИОМ, 2–5 МАЯ 2006 ГОДА.

49
ДА, ЭТО НАПРАВЛЕНИЕ СПОСОБНО ОБЕСПЕЧИТЬ РОССИИ ДОСТОЙНОЕ МЕСТО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

28
НЕТ, ЭТО НАПРАВЛЕНИЕ УСИЛИВАЕТ ЗАВИСИМОСТЬ РОССИИ ОТ МИРОВОГО РЫНКА ЭНЕРГОРЕСУРСОВ, ВЕДЕТ К ЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ОТСТАВАНИЮ

23
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ОТВЕЧАЕТ ЛИ НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ РОССИИ ОРИЕНТАЦИЯ НА ПРИОРИТЕТНОЕ РАЗВИТИЕ ЭНЕРГЕТИКИ В НАШЕЙ СТРАНЕ? (%)
ИСТОЧНИК: ВЦИОМ, 2–5 МАЯ 2006 ГОДА.

7
УХУДИЛОСЬ, ТАК КАК РОССИЯ ПРОЯВИЛА СЕБЯ КАК НЕНАДЕЖНЫЙ ПАРТНЕР

45
ОСТАЛОСЬ БЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ

33
УЛУЧШИЛОСЬ, ТАК КАК РОССИЯ ПРОДЕМОНСТРИРОВАЛА ГОТОВНОСТЬ К ПЕРЕХОДУ НА РЫНОЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ ГАЗОМ

15
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ

КАК, НА ВАШ ВЗГЛЯД, СКАЗАЛСЯ «ГАЗОВЫЙ КРИЗИС» НА ОТНОШЕНИИ К РОССИИ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ—ПОТРЕБИТЕЛЯХ РОССИЙСКОГО ГАЗА? (%)
ИСТОЧНИК: ВЦИОМ, ЯНВАРЬ 2006 ГОДА.